

12+ ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

Трое в Лодке

не считая собаки

Джером Джером

**Трое в лодке, не считая собаки.
Перевод Алексея Козлова**

«Издательские решения»

Джером Д. К.

Трое в лодке, не считая собаки. Перевод Алексея Козлова /
Д. К. Джером — «Издательские решения»,

Новый, адаптированный перевод Алексея Козлова известной юмористической повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» («Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)» Повесть представляет собой юмористический отчёт о лодочной поездке трёх друзей по реке Темзе между Кингстоном и Оксфордом. Сочинение 1889 года.

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Трое в лодке, не считая собаки

Перевод Алексея Козлова

Джером К. Джером

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Джером К. Джером, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-6365-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Главная прелесть этой книги заключается не столько в ее литературном стиле или объеме и полезности информации, которую она содержит, сколько в её ужасающей правдивости. На её страницах представлены события, которые произошли на самом деле. Всё, что осталось сделать автору, — это немного приукрасить их, и за это не взимается дополнительная плата.

Джордж, Гарри и Монморэнси — это не поэтические фантомы, а существа из плоти и крови, особенно Джордж, который весит около двенадцати стоунов. Другие произведения могут превзойти это сочинение по глубине мысли и знанию человеческой натуры: другие книги могут соперничать с ним по оригинальности и объёму; но по своей безнадежной и неизлечимой правдивости ничто из того, что уже было создано, не может соперничать с ней

Это, как я предчувствую, в большей степени, чем все остальные её прелести, сделает книгу ценной в глазах серьёзного читателя и придаст дополнительный вес уроку, который преподносит живая история.

Лондон, август 1889 года.

Глава I

Трое инвалидов. — Страдания Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных заболеваний. — Полезные рецепты. — Лечение заболеваний печени у детей. — Мы согласны с тем, что мы переутомлены и нуждаемся в отдыхе. — Неделю на волнах? — Джордж предлагает Ривер. — Монморэнси делает возражение. — Первоначальное предложение принято большинством в три голоса против одного.

Итак, нас было четверо — Джордж, Уильям Сэмюэл Гаррис, я и Монморэнси. Мы сидели в моей комнате, курили и говорили о том, какие мы хилые — хилые с медицинской точки зрения, я имею в виду, конечно. Мы все чувствовали себя неважно и сильно нервничали из-за этого. Гаррис сказал, что временами на него накатывали такие невероятные приступы головокружения, что он с трудом осознаёт, что делает; и тогда Джордж сказал, что у него тоже были приступы головокружения, и он тоже с величайшим трудом осознавал, что делает. Что касается меня, то у меня была не в порядке печень.

Я знал, что у меня с печенью не всё в порядке, потому что только что прочитал рекламный проспект патентованных пилюль от печени, в котором подробно описывались различные симптомы, по которым человек может определить, что у него что-то не так с печенью. А у меня налицо были все эти симптомы. Это невероятно, но я никогда не читаю рекламу патентованного лекарства без того, чтобы не прийти к выводу, что я страдаю именно от той болезни, о которой в ней говорится, причём всегда в её наиболее опасной, губительной форме. Диагноз, по-видимому, в каждом случае в точности соответствовал всем ощущениям, которые я когда-либо испытывал.

Помню, однажды я пошёл в Британский музей, чтобы почитать о лечении какого — то лёгкого, смешного недуга, которым я переболел, — кажется, это была сенная лихорадка.

Я раскрыл книгу и прочитал всё, что хотел прочесть; а затем, в какой-то момент, не задумываясь, стал лениво перелистывать страницы и принялся лениво изучать болезни вообще. Я забыл, с какой болезнью я столкнулся в первую очередь — я знаю, это было какое — то страшное, опустошающее бедствие, — и не успел я пробежать и половины списка «сопроводительных симптомов», как до меня дошло, что я действительно заболел. Некоторое время я сидел, оцепенев от ужаса, а затем, охваченный апатией отчаяния, а потом снова перелистал страницы. Я заболел брюшным тифом — я прочитал симптомы и обнаружил, что у меня брюшной тиф, должно быть, я болел им несколько месяцев, не меньше, не подозревая об этом — задумался, что ещё у меня есть; вперился в «Пляску Святого Витта» — и обнаружил, как и ожидал, что у меня тоже брюшной Тиф, — начал интересоваться своим здоровьем. Я решил разобраться во всём до конца и поэтому начал штудировать инкунабулу в алфавитном порядке — прочитал «Лихорадка» и узнал, что меня от неё тошнит и что острая стадия начнется примерно через две недели. Я с облегчением обнаружил, что у меня болезнь Брайта только в изменённой форме, и, насколько это было возможно, я мог прожить ещё довольно много лет. У меня была холера с тяжелыми осложнениями, факт, и дифтерия, с которой я, похоже, родился.

Я добросовестно изучил двадцать шесть статей и пришел к выводу, что единственной болезнью, которой у меня не было, было воспаление коленной чашечки. Поначалу меня это

несколько задело; мне показалось, что это как-то несерьёзно. Почему я не заразился от горничной воспалением коленной чашечки? К чему эта оскорбительная недостача?

Однако через некоторое время возобладали менее цепкие чувства. Я подумал, что у меня есть все остальные известные в фармакологии заболевания, и стал менее эгоистичным, решив, что смогу обойтись без воспаления коленной чашечки. Подагра, по-видимому, в самой злокачественной своей стадии, овладела мной без моего ведома; а зимозом я, очевидно, страдал с детства.

После зимоза больше не было никаких заболеваний, поэтому я пришёл к выводу, что со мной больше ничего не случилось. Я сидел и размышлял. Я подумал, что, должно быть, я интересный пациент с медицинской точки зрения, и что я должен стать ценным приобретением для студенческой аудитории! Студентам не нужно было бы «ходить по больницам», если бы у них был я. Я сам был ходячей больницей.

Всё, что им нужно было бы сделать, — это обойти меня и после этого получить свой диплом экстерном. Тогда я задумался, сколько мне осталось жить. Я попытался осмотреть себя. Я пощупал свой пульс. Сначала я вообще не почувствовал никакого пульса. Затем, внезапно, он, казалось, заработал. Я достал часы и засёк время. Я насчитал сто сорок семь ударов в минуту. Я попытался почувствовать своё сердце. Я не мог его почувствовать. Оно перестало биться.

С тех пор я пришёл к выводу, что оно, должно быть, было там все время и, должно быть, билось, но я не могу это объяснить. Я похлопал себя по всему телу спереди, от того, что я называю талией, до головы, и немного по бокам, и немного по спине. Но я ничего не почувствовал и не услышал. Я попытался рассмотреть свой язык. Я высунул его как можно дальше, закрыл один глаз и попытался рассмотреть другим. Я мог видеть только кончик, и единственное, что я мог от этого получить, — это почувствовать себя более уверившимся, чем раньше, в том, что у меня скарлатина.

Я вошел в этот читальный зал счастливым, здоровым человеком. А выполз оттуда дряхлой развалиной. Я пошел к своему врачу. Он мой старый приятель, и щупает мой пульс, и осматривает мой язык, и говорит о погоде, и все это впустую, когда мне кажется, что я болен; вот я и подумал, что окажу ему услугу, зайдя к нему сейчас.

«Все, что нужно врачу, — сказал я, — это практика. Он получит меня. Он получит от меня больше практики, чем от тысячи семисот ваших обычных пациентов, у каждого из которых всего одно или два заболевания».

Так что я пошел прямо к нему, и он сказал:

«Ну, что с тобой такое?»

Я сказал:

«Я не буду отнимать у тебя время, дорогой мальчик, рассказом о том, что со мной не так. Жизнь коротка, и ты можешь скончаться до того, как я закончу. Но я расскажу тебе, что со мной не так. У меня нет воспаления коленной чашечки. Почему у меня нет колена горничной, я не могу сказать, но факт остается фактом: у меня его нет. Однако все остальное у меня есть».

И я рассказала ему, как я все это обнаружила. Затем он раздел меня, осмотрел сверху донизу и схватил за запястье, а затем ударил в грудь, когда я этого не ожидал — я бы назвал это трусостью — и сразу же после этого боднул меня головой. После этого он сел и выписал рецепт, сложил его и отдал мне, а я положил его в карман и вышел. Я не стал его открывать. Я отнес его в ближайшую аптеку и сдал там. Мужчина прочитал его и вернул обратно. Он сказал, что не понял его.

Я сказал:»

Вы химик?

Он ответил: «Химик. Если бы я был владельцем галантерейного магазина и хозяином семейного отеля, я, возможно, смог бы оказать вам услугу. То, что я всего лишь химик, мешает мне».

Я прочитал рецепт. Он гласил:

«1 фунт бифштекса, запивая 1 литром горького пива каждые 6 часов. 1 десятиминутная прогулка каждое утро. Ложитесь спать ровно в 11 часов каждый вечер. И не забивайте себе голову вещами, которых вы не понимаете».

Я последовал указаниям и пришел к счастливому результату — говорю от себя лично, — моя жизнь благодаря ему была сохранена и продолжается до сих пор. В данном случае, возвращаясь к рекламному проспекту о таблетках от печени, у меня были явные симптомы, главным из которых было «общее нежелание работать в какой бы то ни было форме».

От чего я страдаю, не передать словами. С самого раннего детства я был настоящим мучеником. В детстве болезнь не оставляла меня ни на день. Тогда они еще не знали, что у меня есть печень. Медицинская наука тогда находилась в гораздо менее развитом состоянии, чем сейчас, и они привыкли списывать это на лень.

«Ах ты, проказник, — говорили они, — иди и займись чем-нибудь, чтобы заработать себе на жизнь, лучше будет?» — Они, конечно, не подозревали, что я был болен. И они не давали мне таблеток; они набивали мне шишки на голове. И, как ни странно, эти шишки на голове часто излечивали меня — на какое-то время. Я знаю, что один удар по голове оказывает большее воздействие на мою печень и заставляет меня чувствовать большее желание немедленно отправиться туда и сделать то, что я хотел, без дальнейшей потери времени, чем целая коробка таблеток сейчас.

Вы знаете, часто бывает так, что эти простые, старомодные лекарства иногда оказываются более эффективными, чем всё, что продается в аптеке. Мы просидели там полчаса, описывая друг другу наши болезни. Я объяснил Джорджу и Уильяму Гаррису, что я чувствую, когда встаю утром, а Уильям Гаррис рассказал нам, что он чувствует, когда ложится спать; а Джордж, стоя на коврике у камина, продемонстрировал нам яркую актерскую пантомиму, иллюстрирующую его чувства ночью. Джордж воображает, что он болен, но на самом деле с ним никогда ничего не бывает, ты же знаешь.

В этот момент миссис Поппетс постучала в дверь, чтобы узнать, готовы ли мы к ужину. Мы грустно улыбнулись друг другу и сказали, что, наверное, нам лучше попробовать проглотить что-нибудь.

Гаррис сказал, что если что-нибудь закинуть в желудок, это часто помогает справиться с болезнью; миссис Поппетс внесла поднос, и мы уселись за стол, наевшись бифштекса с луком и пирога с ревенем. Должно быть, в то время я был очень слаб, потому что, насколько я знаю, примерно через полчаса я, казалось, потерял всякий интерес к еде — что для меня необычно — и меня стало воротить от сыра.

Исполнив свой долг, мы снова наполнили бокалы, раскурили трубки и возобновили обсуждение нашего самочувствия. Никто из нас не мог с уверенностью сказать, что именно с нами случилось, но все единодушно считали, что это — что бы это ни было — было вызвано переутомлением.

— Чего нам надо, так это отдых! — сказал Гаррис. — Отдых и полная перемена обстановки! — сказал Джордж, — Перенапряжение нашего мозга привело к общей депрессии во всём организме. Смена обстановки и отсутствие необходимости думать восстановят наше душевное равновесие!

У Джорджа есть двоюродный брат, который обычно числится в трудовой книжке как студент-медик, так что у него, естественно, несколько сугубо врачебный подход к делу. Я согласился с Джорджем и предложил нам поискать какое-нибудь уединённое место, напоминающее о старом свете, вдали от безумствующей толпы, и провести солнечную неделю в мечтах на

его сонных улочках — в каком-нибудь полузабытом уголке, укрытом от фей, недоступном для шумного мира, в каком — нибудь причудливом... гнёздышке, расположенное на утёсах Времени, откуда шум набегающих волн девятнадцатого века казался бы далеким и слабым.

Гаррис сказал, что, по его мнению, это было бы очень забавно. Он сказал, что знает, что это за место, о котором я говорил; где все ложатся спать в восемь часов, и после восьми ни за какие деньги нельзя найти судью, и приходится идти пешком десять миль, чтобы купить себе снотворное.

— Нет, — сказал Гаррис, — если вы хотите отдохнуть и сменить обстановку, то лучше морской прогулки ничего не придумаешь!

Я категорически возражал против морской прогулки. Морское путешествие приносит пользу, если оно длится пару месяцев, но в течение недели оно может принести только вред. Вы начинаете в понедельник с глубоко укоренившейся идеи, что будете получать удовольствие от жизни. Вы беззаботно машете на прощание ребятам на берегу, раскуриваете свою самую большую трубку и расхаживаете по палубе, как будто вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрейк и Христофор Колумб в одном лице.

Во вторник вы уже начинаете сомневаться, что было правильно, что выпопали сюда. В среду, четверг и пятницу вы жалеете, что не умерли. В субботу вы можете выпить немного чая с говядиной, посидеть на палубе и отвечать слабой, милой улыбкой на вопросы добросердечных спутников о том, как вы себя сейчас чувствуете. В воскресенье вы снова начинаете ходить и принимать твёрдую пищу. А в понедельник утром, когда вы с сумкой и зонтиком в руках стоите у планшира, ожидая, когда можно будет сойти на берег, вам это начинает по-настоящему нравиться.

Я помню, как мой шуринок однажды отправился в небольшое морское путешествие, чтобы поправить здоровье. Он взял билет на обратный рейс из Лондона в Ливерпуль, а когда добрался до Ливерпуля, единственное, о чем он беспокоился, — это о том, чтобы поскорее продать обратный билет. Как мне сказали, его продавали по всему городу с огромной скидкой, и в конце концов он был продан за восемнадцать пенсов желчному юноше, которому врачи только что посоветовали отправиться на берег моря и заняться спортом.

— Море — это сила! — сказал мой шуринок, нежно вкладывая билет ему в руку, — Да для тебя его хватит на всю жизнь, а что касается физических упражнений... да ведь ты получишь больше упражнений, сидя на этом корабле, чем если бы всю жизнь кувыркался на суше.

Сам он — мой шуринок — вернулся поездом. Он сказал, что Северо-Западная железная дорога ему подходит чуть больше. Другой мой знакомый отправился в недельное путешествие вокруг побережья, и перед тем, как они отправились в путь, к нему подошел стюард и спросил, будет ли он платить за каждое блюдо отдельно или оплатит всё заранее.

Стюард порекомендовал второе, так как еда обойдётся намного дешевле. Он сказал, что его будут готовить по цене два с половиной фунта в неделю. Он сказал, что на завтрак будет рыба, а затем — гриль. Обед был в час дня и состоял из четырех блюд. Ужин из шести — суп, рыба, основное блюдо, тушёнка, птица, салат, сладости, сыр и десерт. А в десять — лёгкий мясной ужин. Мой друг решил, что ему хватит двух фунтов и пяти шиллингов (он большой любитель поесть), и так и сделал. Обед принесли, когда они уже отъезжали от Ширнесса. Он не чувствовал себя таким голодным, как ему казалось, и поэтому ограничился кусочком вареной говядины и клубникой со сливками. В течение дня он много размышлял, и иногда ему казалось, что он уже несколько недель не ел ничего, кроме вареной говядины, а иногда казалось, что он, должно быть, годами питался клубникой со сливками. Ни говядина, ни клубника со сливками тоже не показались ему вкусными — они, казалось, тоже были не в своей тарелке. В шесть к нему пришли и сказали, что ужин готов. Это заявление не вызвало у него энтузиазма, но он почувствовал, что нужно как-то отработать эти два с половиной фунта, и, держась за веревки и прочее, он спустился вниз. Приятный аромат лука и горячей ветчины, смешанный с жареной

рыбой и зеленью, встретил его у подножия трапа, а затем стюард подошел к нему с маслянистой улыбкой и спросил:»

— Что я могу вам предложить, сэр?

— Вытащите меня отсюда! Скорей! — последовал слабый ответ. Они быстро подняли его, поставили с подветренной стороны и оставили. Следующие четыре дня он вёл простую и непорочную жизнь, питаясь только сухарями аля -капитан (я имею в виду, что это были тонкие бисквиты, а не «капитан») и содовой; но к субботе он приободрился и перешёл на слабый чай и сухие тосты, а в понедельник уже наелся до отвала куриным бульоном.

Он сошел с корабля во вторник и, когда тот отчалил от пристани, с сожалением смотрел ему вслед.

«Вот мой корабль, — сказал он, — вот он, ушёл с запасом еды на два фунта, которая принадлежит мне и которой я ещё не попробовал».

Он сказал, что, по его мнению, если бы ему дали еще один день, он мог бы все уладить.

Поэтому я отказался от поездки по морю. Как я уже объяснял, не из-за себя. Я никогда не был маньяком. Но я боялся за Джорджа. Джордж сказал, что с ним всё будет в порядке и он был бы рад этому, но посоветовал нам с Гаррисом не думать об этом, так как он уверен, что мы оба заболеем. Гаррис сказал, что для него самого всегда было загадкой, как люди умудряются заболеть в море, — сказал, что, по его мнению, люди, должно быть, делают это нарочно, из притворства, — сказал, что он часто хотел заболеть, но никогда не мог. Затем он рассказал нам анекдоты о том, как он пересекал Ла-Манш, когда так штормило, что пассажиров приходилось привязывать к койкам, и Гаррис с капитаном были единственными живыми душами на борту, которые не заболели. Иногда эна ногах оставался ещё и второй помощник капитана, составляя дуэто тех, кто не болел, но обычно это был Гаррис и ещё один человек. А если это были не Гаррис и еще один человек, то оставался один Гаррис

Это любопытный факт, что никто никогда не страдает морской болезнью на суше. В море вы встречаете множество людей, действительно очень больных, целые пароходы забиты ими; но на суше я еще ни разу не встречал человека, который бы хоть немного знал, что такое морская болезнь. Где прячутся тысячи и тысячи плохих моряков, которые кишмя кишат на каждом корабле, когда они оказываются на суше, остается загадкой. Если бы большинство людей были похожи на того парня, которого я однажды увидел на ярмутском пароходе, я бы без труда разобрался в этой кажущейся загадке. Насколько я помню, это было недалеко от Саутендского пирса, и он высунулся через один из иллюминаторов в очень опасной позе. Я поспешил к нему, чтобы попытаться спасти его. -Привет! Высунься из иллюминатора ещё на дюйм, — сказал я, тряся его за плечо. — И ты мертвецокажешься за бортом!

— О боже! Это было бы спасением от мук! — был единственный ответ, который я смог вырвать у него; и таким образом мне пришлось его оставить в покое. Три недели спустя я встретился с ним в кофейне отеля в Бате, где он рассказывал о своих путешествиях и с энтузиазмом, размахивая руками, разглагольствовал о том, как он любит море.

— Что такое хороший моряк? — ответил он на завистливый вопрос кроткого молодого человека, — Ну, признаюсь, однажды я действительно почувствовал себя немного странно и меня чуток укачало! Это было недалеко от мыса Горн! Всё было здорово, но судно потерпело крушение на следующее утро!

Я сказал:

— Разве однажды у Саутендского пирса вас немного не трясла лихоманка, и вы в голос не просили Господа, чтобы он выбросил вас за борт?

— Саутендский пирс? — ответил он с озадаченным выражением лица, пытаясь изобразить из себя слабопомнящего, — Да, я ехал в Ярмут в прошлую пятницу, три недели назад... О, ах да, — ответил он, просяив, — теперь я вспомнил. В тот день у меня действительно трещала голова. Это всё из-за соленых огурцов, знаете ли. Это были самые отвратительные маринован-

ные пикули, которые кто-либо когда-либо пробовал на таком уважаемом судне. Вы пробовали такие? Что касается меня, то я открыл отличное средство от морской болезни, позволяющее сохранять равновесие. Вы стоите в центре палубы и, когда судно вздымается и кренится, как неродное, вы перемещаете своё тело так, чтобы оно всегда оставалось прямым. Когда нос корабля поднимается, вы наклоняетесь вперёд, пока палуба почти не коснется вашего носа; а когда поднимается его задняя часть, вы отклоняетесь назад. Всё это очень хорошо в течение часа или двух, но вы не сможете удерживать равновесие целую неделю.

Джордж сказал:

— Давай поднимемся вверх по реке.

Он загорячился и сказал, что нам нужен свежий воздух, физические упражнения и покой; постоянная смена обстановки займёт наши умы (включая то, что было у Гарриса); а тяжёлая работа подарит нам хороший аппетит и поможет хорошо выспаться. Гаррис сказал, что, по его мнению, Джорджу не следует делать ничего такого, что могло бы сделать его более сонным, чем обычно, поскольку это может быть опасно. Он сказал, что не очень хорошо понимает, как Джордж собирается спать дольше, чем сейчас, учитывая, что в сутках всего двадцать четыре часа, как летом, так и зимой; но подумал, что если бы он спал ещё, то с таким же успехом мог бы умереть и таким образом сэкономить Джорджу средства на его стол и кров. Гаррис, однако, сказал, что река его устроила бы на все сто. Я не знаю, что такое эти «все сто», и насколько они ценнее шестипенсовика, который включает в себя хлеб с маслом и пирожные без ограничений, и полагаю, что это дешево по цене, если, впрочем, вы ещё не ужинали.. Однако, похоже, эта идея подходила всем, что делает ей честь. Меня это тоже устраивало, и мы с Гаррисом оба сказали, что идея Джорджа — это хорошая идея; и мы сказали это таким тоном, который, казалось, каким-то образом подразумевал, что мы донельзя удивлены тем, что Джордж оказался таким разумным человеком. Единственным, кого это предложение не впечатлило, был Монморэнси. Ему, нашему Монморэнси, река никогда не нравилась.

«Для вас, ребята, всё очень хорошо, — говорил он, — вам это нравится, а мне нет. Мне там просто нечего делать. Пейзажи не по моей части, и я не курю. Если я увижу крысу, вы ведь не остановитесь; а если я засну, вы начнёте возиться с лодкой и сбросите меня за борт. Если хотите знать моё частное мнение, я называю всё это глупостью». Однако нас было трое против одного, и предложение было принято.

Глава II

Обсуждались планы. — Удовольствия от «ночевок под открытым небом» в погожие ночи. — То же самое, дождливые ночи. — Компромисс найден. — Монморэнси, первое впечатление о нем. — Опасения, что он слишком хорош для этого мира, впоследствии были отвергнуты как беспочвенные. — Собрание закрывается.

Мы достали карты и обсудили планы. Мы договорились отправиться в следующую субботу из Кингстона. Мы с Гаррисом отправлялись туда утром и сесть на пароход до Чертси, а Джордж, который не мог выбраться из города до полудня (Джордж стабильно отсыпается в банке с десяти до четырех каждый день, кроме субботы, когда его будят и укладывают в постель). он выйдет на улицу в два), встретит нас там. Стоит ли нам «разбивать лагерь» или ночевать в гостиницах? Мы с Джорджем были за то, чтобы разбивать лагерь на природе. Мы говорили, что это будет так дико и свободно, так патриархально и мило.

Медленно золотая мемория об уходящем Солнце тает в сердце холодных, печальных облаков. Безмолвные, как осиротевшие дети, птицы прекращают своё дивное пение, и только жалобный крик куропатки вкусах и резкое карканье коростеля нарушают благоговейную тишину вокруг упокоенного ложа вод, где умирающий день испускает свой последний, печальный вздох. Из тёмных лесов по обоим берегам водоёма бесшумно выползает призрачная армия Ночи, серые тени, готовые прогнать задержавшийся арьергард света и пройти бесшумными невидимыми ордами над колышущейся речной травой и грустно вздыхающими камышами; и Ночь складывает чёрные крылья, на есвой мрачный трон над темнеющим миром, и потом из своего призрачного дворца, освещённого только бледными звездами, она всевластно царит в тишине. Затем мы заводим нашу маленькую лодку в какой-нибудь тихий уголок, ставим палатку, готовим скромный ужин пилигрима и торжественно съедаем его. Затем набиваем и раскуриваем большие трубки, и приятная беседа переходит в музыкальное сопровождение; в то время как в паузах между нашими разговорами река, играя вокруг лодки, рассказывает свои древние, странные старые истории и одаривает нас своими сокровенными секретами, тихо напевая старую детскую песенку, которую она пела без малого тысячи лет — и будет петь ещё столько тысяч лет, сколько пожелает, прежде чем её голос станет грубым и надтреснутым, — песню, которую мы, кто научился любить меняющийся облик мира, знаем наизусть, и мы, кто так часто прижимались к его податливой груди, думаем, что каким-то образом понимаем всё сущее, хотя и не смогли бы рассказать вам историю Вселенной простыми словами, песню которую мы слушаем. И мы сидим там, на краю Мира, а Луна, которая тоже втайне любит его, склоняется, чтобы поцеловать его ласковым, сестринским поцелуем, и крепко обнимает его своими бескрайними, серебряными руками; и мы наблюдаем, как Время течёт, вечно напевая, вечно шепча, устремлённое навстречу своему королю, морю, пока наши голоса не замирают в тишине, а свирели не гаснут, пока мы, обычные молодые люди, не чувствуем себя странно исполненными мыслей, наполовину грустных, наполовину сладких, и нам все равно отныне не хочется разговаривать — пока мы не рассмеёмся, и, встав, не стряхнём пепел с наших перегоревших трубок, и не скажем «Спокойной ночи», и, убаюканные плеском волн и шелестом деревьев, не заснём под огромными неподвижными звездами, мечтая и радуясь тому, что мир снова молод — молод и мил, каким он была раньше, был всегда, до того, как столетия тревог и забот избороздили морщинами его прекрасное лицо, до того, как грехи и глупости его детей состарили его огромное, любящее сердце, — мил, каким он был в те далекие дни, когда, новоиспеченная мать, Земля, вскармливала нас, своих детей, на своей глубокой груди — прежде чем уловки раскрашенной цивилизации выманили нас из её нежных объятий, а ядовитые насмешки искусственности заставили нас устыдиться простой жизни, которую мы вели на

ней, и простого, величественного дома, где человечество родилось так много тысяч лет назад, много тысяч лет назад.

Гаррис сказал:

— А как насчёт того, когда пойдёт дождь?

Гаррис совершенно непробиваемый малый. В Гаррисе ни на йоту нет поэзии — нет дикой тоски по непостижимому Гаррис никогда не исторгает слёз, сам не зная почему.

Если глаза Гарриса наполняются слезами, вы можете заключать пари, что это только потому, что Гаррис съел целую свежую луковицу или метнул слишком много горчицы в свою отбивную. Если бы вы встали ночью на берегу моря рядом с Гаррисом и сказали: «Послушайте! Разве вы не слышите? Что это — русалки, поющие глубоко под волнующимися водами, или печальные духи, поющие панихиды по раздувшимся трупам, удерживаемым водорослями?», Гаррис взял бы вас за руку и сказал: «Я знаю, в чём дело, старина, ты простудился! А теперь давай ты успокоишься и пойдём со мной. Я знаю чудное местечко за углом, где можно хлебнуть капельку лучшего шотландского виски, которое ты когда — либо пробовал, — это поможет тебе быстрее прийти в себя и отрешиться от бреда.

Гаррис всегда знает местечко за углом, где можно заказать что-нибудь вкусненькое из огромного ассортимента известных ему непонаслышке напитков. Я уверен, что если бы вы встретили Гарриса в Парадайзе (В Раю — если предположить, что такое возможно), он сразу же поприветствовал бы вас словами: «Я так рад, что ты пришёл, старина; я нашёл здесь за углом, под большой сикаморой, милое местечко, где ты можешь отведать действительно первоклассного, воистину божественного нектара.

Однако в данном случае, когда речь шла о походе на природу с неизбежной ночёвкой под открытым небом, его практический взгляд на этот вопрос прозвучал как очень своевременное грозное предупреждение. Поход в дождливую погоду — не самая приятная из вещей.

Уже вечер. Вы промокли насквозь, а в лодке добрых два дюйма воды, и все ваши вещи отсырели. Вы пытаетесь спастись от этой измороси, и находите место на берегу, где не так топко, как в других местах, которые вы видели, высаживаетесь, вытаскиваете палатку, и двое из вас приступают к её установке. Палатка мокрая и тяжелая она болтается, норовит свалиться на вас, цепляется за голову и вообще сводит с ума. Дождь льет не переставая. Кажется, он только что дал клятву утопить вас. Починить палатку и в сухую погоду довольно сложно, а в сырую эта задача становится просто титанической. Вам кажется, что место того, чтобы помочь вам, ваш напарник просто валяет дурака. Как только ты красиво закрепляешь свой бок, он дёргает его со своей стороны и всё летит в тар-тары.

— Вот! Чего ты творишь? — кричишь ты, — Что у тебя в голове? Что ты надумал?

А он горячо возражает:

— А ну отпусти, чёрт!

— Не тяни, я говорю, ты все перепутал, тупой осел! — кричишь ты.

— Нет, не перепутал! — кричит он в ответ, — Ты сам всё перепутал! Отпусти свою сторону!

— Говорю тебе, ты все перепутал!

Ты ревёшь, как дикий вепрь, жалея, что не можешь добраться до него; и так дёргаешь за свои вервья, что выдёргиваешь все его утлые колышки.

— Ах, чёртов идиот!

Вы слышите, как он бормочет что-то себе под нос; затем следует яростный рывок, и ваша сторона отходит в сторону. Вы кладёте молоток и начинаете обходить его по кругу, высказывая ему все, что думаете о нём и обо всём этом деле, и в то же время он начинает обходить вас в том же направлении, чтобы подойти и объяснить вам свои постулаты.

И так вы ходите друг за другом по кругу, осыпая друг друга проклятиями, пока палатка не рухнет в кучу, и вы не останетесь смотреть друг на друга поверх её руин, а вы оба возмущенно воскликнете на одном дыхании: «Вот ты где! Что я тебе говорил?»

Тем временем третий лишний, который в это время отчаянно вычерпывает воду из лодки, то и дело проливает воду себе на рукав и последние десять минут непрерывно ругается про себя, хочет знать, что за чертовщину вы затеяли и почему эта чертова палатка ещё не поставлена, как надо. В конце концов, так или иначе, он все-таки поднимается, и вы швыряете всё на землю. Пытаться развести огонь на дровах бесполезно, поэтому вы разжигаете спиртовку и топчетесь вокруг неё. Дождевая вода — главный ингредиент рациона на ужин. Хлеб на две трети состоит из дождевой воды, бифштекс-пирог чрезвычайно богат ею, а джем, масло, соль и кофе, смешанные с ней, превращаются в чересчур калорийный суп. После ужина вы обнаруживаете, что ваш табак отсырел, и вы не можете курить. К счастью, у вас есть бутылка напитка, который бодрит и опьяняет, если принимать его в нужном количестве, и это возвращает вам интерес к жизни, достаточный для того, чтобы вы отправились спать. Там вам снится, что слон внезапно уселся вам на грудь, а вулкан взорвался и сбросил вас на дно морское, при этом слонпо-прежнему мирно спит у вас на груди. Вы просыпаетесь и понимаете, что на самом деле произошло что-то ужасное. Ваше первое впечатление — что наступил конец света; а потом вы думаете, что этого не может быть, и что это воры и убийцы, или же пожар, и это мнение вы выражаете обычным способом — диким рёвом. Однако помощь не приходит, и все, что вы чувствуете, — это то, что тысячи людей пинают вас ногами и душат. Кажется, кто-то ещё тоже попал в беду. Вы слышите его слабые крики, доносящиеся из-под вашей кровати. Решив во что бы то ни стало дорого продать свою жизнь, вы отчаянно сопротивляетесь, нанося удары направо и налево руками и ногами и при этом громко вопя, и наконец что-то поддается вам под руку, и вы оказываетесь на свежем воздухе. В двух шагах от себя вы смутно различаете полуодетого головореза, который только и ждёт, чтобы убить вас, и вы готовитесь к схватке с ним не на жизнь, а на смерть, когда до вас начинает доходить, что это Джим.

— О, это ты, не так ли? — говорит он, в тот же миг узнавая вас.

— Д! — отвечаете вы, продирая заспанные глаза, — Что случилось?

— Палатку Бэлли, кажется, снесло ветром! — говорит он.

— Где Билл?

Тут вы оба повышаете голос и зовете:

— Билл! — и земля под вами вздымается и качается, и приглушённый голос, который вы слышали раньше, отвечает из руин:

— Пожалуйста, слезь с моей головы, если можешь?

И Билл вырывается, грязный, растоптанный, в неоправданно агрессивном настроении — он явно убежден, что все это было сделано с ним специально и вы давно затаили желание причинить ему зло.

Утром вы все трое теряете дар речи из-за того, что ночью сильно простудились; кроме того, вы чувствуете себя очень сварливыми и ругаетесь друг с другом хриплым шёпотом в течение всего завтрака.

Поэтому мы решили, что в погожие ночи будем ночевать где-нибудь под открытым небом; и в гостинице, и в трактире, и в пабе, как подобает уважаемым людям, в дождливую погоду, или когда нам захочется перемен.

Монморэнси с большим одобрением воспринял этот компромисс. Он не любит романтического уединения. Предложите ему что-нибудь шумное, а если ещё громче, то тем веселее. Глядя на Монморэнси, можно подумать, что он был ангелом, командированным на землю, но по какой-то причине, сокрытой от человечества, попал сюда в облике маленького фокстерьера.

В Монморэнси есть что-то вроде убеждения — «О, какой-же-злой-этот-мир» и «как-бы-я-хотел-сделать-что-нибудь-чтобы-сделать-его-лучше», и это выражение, как известно, вызы-

вает слёзы благоговения на глазах благочестивых пожилых леди и покрытых мхом джентльменов.

Когда он только начал жить за мой счет, я и подумать не мог, что смогу надолго его удержать возле себя. Я часто садился и смотрел на него, а он сидел на коврике и смотрел на меня снизу вверх, и я думал:

«О, этот пес долго не протянет. Он будет вознесён на колеснице к светлым небесам, вот что с ним произойдет».

Но когда я заплатил примерно за дюжину кур, которых он убил, и вытащил его, рычащего и брыкающегося, за шиворот из ста четырнадцати уличных драк, а разгневанная женщина принесла мне на осмотр дохлую кошку, обозвав меня убийцей; и был вызван соседом в суд за то, что свирепая собака, которая держала его запертым в собственном сарае для инструментов несколько часов холодной ночью, когда он боялся высунуть нос за дверь, была моей собственностью, и когда я узнал, что мой садовник выиграл тридцать шиллингов, поставив на то, сколько монморэнси убьёт крыс за единицу времени, я начал думать, что, может быть, ему все-таки будет позволено остаться на земле еще немного. Околачиваться возле конюшни с самым отвязным видом, собрать свору собак с самой дурной репутацией, какую только можно иметь в городе, и выводить эту банду бродить по трущобам, чтобы драться с другими собаками с ещё более отпетой репутацией, — таково представление Монморэнси о «жизни», и, как я уже отмечал, предложение гостиницы, паба и отеля заслуживали его самого решительного, самого горячего одобрения. Уладив таким образом вопрос о ночлеге к удовлетворению всех нас четверых, единственное, что оставалось обсудить, — это что нам взять с собой; и об этом мы начали спорить, когда Гаррис сказал, что с него хватит ораторского искусства на одну ночь, и предложил нам пойти куда-нибудь и поулыбаться, сказав, что он нашел местечко неподалеку от площади, где действительно можно было выпить капельку ирландского, которое стоило бы того.

Джордж сказал, что ему хочется пить (я не припомню, чтобы Джордж когда-нибудь испытывал это чувство); и, поскольку я предчувствовал, что немного тёплого виски с ломтиком лимона пойдет на пользу моей жалобе, прения, по общему согласию, были перенесены на следующий вечер, и высокое собрание в полном составе надело свои шляпы и вышло на улицу.

Глава III

Все улажено. — Метод Гарриса в выполнении работы. — Как пожилой семейный человек вывешивает фотографию. — Джордж делает разумное замечание. — Прелести раннего утреннего купания. — Как подготовиться к тому, чтобы расстроиться.

Итак, на следующий вечер мы снова собрались, чтобы обсудить и согласовать наши планы. Гаррис сказал:

— Итак, первое, что нужно решить, — это что взять с собой. А теперь возьми лист бумаги и запиши, Джей, и возьми каталог продуктов, Джордж, и кто-нибудь, дайте мне карандаш, и я составлю список».

В этом весь Гаррис — он готов взять всё бремя на себя и тут же переложить его на плечи остальных. Он всегда напоминал мне моего бедного дядю Поджера. За всю свою жизнь вы никогда не видели такой суматохи в доме, как тогда, когда мой дядя Поджер брался за какое-то дело. Например, из мастерской по изготовлению рам привозили картину, и она стояла в столовой, ожидая, когда её повесят, и тётя Поджер спрашивала, что с ней делать, а дядя Поджер отвечал:

— О, предоставьте это мне! Пусть никто из вас не беспокоится об этом. Я все это сделаю сам!. А потом он снимал своё пальто и начинал. Он посылал девушку за гвоздями на шесть пенсов, а потом посылал мальчишку вдогонку, чтобы сообщить, какого размера им нужны гвозди, и, начав с этого, он постепенно втягивался в процесс и начинал обустраивать весь дом.

— А теперь, Уилл, сходи и принеси мне мой молоток, — кричит он, — а ты, Том, принеси мне линейку, и еще мне понадобится стремянка, и еще мне нужен кухонный стул, и еще, Джим! ты сбегай к мистеру Гэггелсу и передай ему от папы наилучшие пожелания и надежду, что с его ногой все в порядке, и не одолжит ли он ему свой ватерпас? А ты, Мария, не уходи, потому что мне нужно, чтобы кто-нибудь подержал мне свечу, а когда горничная вернется, ей придется снова выйти за бечёвкой, и Том! — где Том? — Том, иди сюда, я хочу, чтобы ты подал мне... дай мне картину.»

И тогда он поднимает картину и роняет её, и она выпадает из рамы, и он пытается спасти стекло, и порезался; а потом он заметался по комнате в поисках своего носового платка. Он не мог найти свой носовой платок, потому что он был в кармане пальто, которое он снял, и он не знал, куда положил пальто, и всем домашним пришлось бросить поиски его инструментов и начать искать его пальто; в то время как он приплясывал вокруг, трясая пальцем и мешал им. — Неужели никто во всём этом чёртовом доме не знает, где моё пальто? Я никогда в жизни не сталкивался с таким набором двуногих, честное слово, не сталкивался. Вас шестеро! — и вы не можете найти пальто, которое я где-то бросил пять минут назад! Ну, из всех...

Потом он встаёт и обнаруживает, что сидит на нем, и кричит: «О, прекратите бегать! Я сам его обнаружил. С таким же успехом можно попросить кошку найти что-нибудь, как и ожидать, что вы, люди, это найдете!»

И когда полчаса уходило на то, чтобы перевязать ему палец, и было куплено новое стекло, и принесены инструменты, и стремянка, и стул, и свечка, он предпринимал новую попытку, и вся семья, включая девочку и уборщицу, стояла окружив его полукругом, готовые каждую минуту прийти на помощь. Два человека должны были держать стул, а третий помогал ему взобраться на него и удерживал его там, а четвёртый подавал ему гвоздь, а пятый передавал ему молоток, и он брался за гвоздь и ронял его.

«Ну вот! — говорил он обиженным тоном. — теперь гвоздя нет».

И нам всем приходилось падать на колени и пресмыкаться перед ним, в то время как он стоял на стуле, кричал и спрашивал, продержат ли его там весь вечер. Гвоздь, в конце концов, бывал найден, но к тому времени он терял молоток.

«Где молоток? Что я сделал с молотком? Великие небеса! Что вы, семеро ничтожеств, стоите, разинув рты, и понятия не имеете, где мой молоток!»

Мы находили для него молоток, а потом он терял из виду отметку, которую сделал на стене, где должен был забиваться гвоздь, и каждый из нас должен был лезть на стул рядом с ним и смотреть, сможем ли мы его найти; и каждый из нас должен был обнаружить он это в другом месте, и он назвал бы нас всех дураками, одного за другим, и велел бы нам спуститься. И он брал правило, перемеривал и обнаруживал, что ему нужна половина в тридцать один и три восьмых дюйма от угла, и пытался проделать это мысленно, и сходил с ума. И если бы мы все пытались проделать это в уме, то все пришли бы к разным результатам, и посмеивались бы друг над другом. И в общем ряду первоначальное число было бы забыто, и дяде Поджеру пришлось бы измерять его заново. На сей раз он использовал верёвку, и в самый ответственный момент, когда старый дурак наклонился над креслом под углом в сорок пять градусов и пытался дотянуться на три дюйма дальше, чем это было возможно, верёвка соскальзывала, и он скатывался вниз и осёдлывал за рояль, и тот удивительный музыкальный эффект, с которым его голова и тело ударяли по всем клавишам одновременно, производили на него поистине потрясающее впечатление. А тётя Мария говорила, что пока она жива, она не допустит, чтобы малые дети стояли вокруг и слышали такие слова. Наконец дядя Поджер снова закреплял место, левой рукой втыкал в него кончик гвоздя, а в правую брал молоток. И первым же ударом он разбивал себе большой палец и с воплем ронял молоток кому-нибудь на ноги. Тётя Мария мягко замечала, что в следующий раз, когда дядя Поджер соберётся забивать гвоздь в стену, она надеется, что он даст ей знать об этом загодя, чтобы она могла договориться о том, чтобы поехать и провести неделю с матерью, пока всё это делается.

«Ой! Вы, женщины, из-за всего поднимаете такой шум, — отвечал дядя Поджер, беря себя в руки, — Что ж, вотличие от вас мне нравится заниматься такой мелкой работой. И тут он предпринимал ещё одну попытку, и со второго удара гвоздь пробивал штукатурку насквозь, а за ним и терял половину молотка, и тогда дядю Поджера отбрасывало к стене с силой, почти достаточной, чтобы расплющить нос. Затем нам снова приходилось искать линейку и бечёвку, и проделывалось новое отверстие; и около полуночи картина бывала повешена — очень криво и ненадежно, а стена на несколько ярдов вокруг выглядела так, словно по ней прошлись граблями, и все были смертельно оскорблены, избиты и несчастны — все, кроме самого Дяди Поджера.

— Вот, пожалуйста! — удовлетворённо говорил он, тяжело сползая со стула прямо на ноги уборщице и с нескрываемой гордостью оглядывая беспорядок, который он устроил, — Да ведь некоторые люди наняли бы человека для такой мелочи!

Я знаю, что Гаррис станет именно таким человеком, когда вырастет, и я ему это говорил. Я сказал, что не могу позволить ему брать на себя столько трудов.

Я сказал:

— Нет, ты возьми бумагу, карандаш и каталог, Джордж запишет, а я всё сделаю сам.

От первого списка, который мы составили, пришлось отказаться. Было ясно, что в верховьях Темзы не может быть достаточно большой лодки, чтобы на ней поместились все необходимые вещи, поэтому мы разорвали список и внимательно посмотрели друг на друга!

Джордж сказал:

— Вы же знаете, что мы стоим на совершенно неверном пути. Мы должны думать не о том, с чем мы могли бы справиться, а только о том, без чего мы не можем обойтись.

Временами Джордж ведёт себя очень разумно. Вы бы удивились, увидев его в такие мгновения. Я называю это чистой мудростью не только в отношении данного случая, но и в отношении нашего путешествия вверх по реке жизни в целом. Сколько людей в этом путешествии загружают лодку до такой степени, что она может вот-вот затонуть, запасом глупых вещей, которые, по их мнению, необходимы для удовольствия и комфорта путешествия, но которые

на самом деле являются всего лишь бесполезным хламом. Как они забивают свои бедные суденышки по самые мачты роскошной одеждой и большими домами; бесполезными слугами и сонмом шикарных друзей, которые не стоят двух пенсов, и сами ничего не ценят; дорогущими развлечениями, которые никому не кайф, формальностями и модой, притворством и показуха, и — о, самый тяжелый, самый безумный груз из всех! — страхом перед тем, что подумает обовсём этом сосед, с роскошью, которая приторна до омерзения, с удовольствиями, которые надоедают, едва начавшись, с пустой показухой, которая, как железная корона преступника в былые времена, кровоточит и заставляет падать в обморок больную голову, которая носит это безобразие! Это всё хлам, чувак, всё это пустой хлам и опилки!

Выбрось это за борт. Из-за этого лодку так тяжело тащить, что на веслах чуть не теряешь сознание. Это делает управление таким громоздким и опасным, что вы никогда не сможете ни на минуту освободиться от тревог и забот, у вас никогда не будет ни минуты отдыха для мечтательной лени — нет времени наблюдать за тенями, легко скользящими по мелководью, или за сверкающими солнечными зайчиками, мелькающими среди ряби, или за морем. В эти мгновения вам уже не до огромных деревьев на опушке, смотрящих вниз на своё прекрасное отражение, или куп леса, зеленых и золотистых, вы уже не видите ни белых и желтых лилий, ни темно-колышущегося камыша или осоки, вам не до орхидей или голубых незабудок. Сбрось брёвна, парень! Пусть ваша лодка жизни будет лёгкой, наполненной только тем, что вам нужно — уютным домом и простыми радостями, одним или двумя друзьями, достойными этого имени, кем-то, кого можно любить, и кем-то, кто будет любить вас, кошкой, собакой и одной-двумя трубками, чтобы было достаточно еды и одежды, и чуть больше, чем нужно питья, потому что жажда — опасная вещь. Тогда вам будет легче тянуть лодку, и она не будет так подвержена опрокидыванию, а если оно все-таки опрокинется, это не будет иметь большого значения; хороший, простой товар выдержит воду. У вас будет время подумать, а также поработать. Время наслаждаться солнечным светом жизни, время слушать эолову музыку, которую ветер Божий извлекает из струн человеческих сердец, окружающих нас, время... — Прошу прощения, правда. Я совсем забыл. Что ж, мы оставили список Джорджу, и он его начал.

— Мы не будем брать палатку, — предложил Джордж. — У нас будет лодка с чехлом. Это намного проще и удобнее.

Это показалось нам хорошей идеей, и мы ее приняли. Не знаю, видели ли вы когда-нибудь то, что я имею в виду. Вы укрепляете над лодкой железные обручи, натягиваете на них огромный холст и закрепляете его со всех сторон, от носа до кормы, и это превращает лодку в подобие маленького домика, и в ней очень уютно, хотя и немного душно; но у всего есть свои недостатки, так сказал этот человек, когда умерла его теща и они возложили на него расходы на похороны. Джордж сказал, что в таком случае мы должны взять с собой по коврику, лампе, мылу, щетке и гребню (на двоих), зубной щетке (на каждого), умывальнику, зубному порошку, бритвенным приборам (похоже на упражнение по французскому языку, не правда ли?) и туалетному столику, пара больших полотенец для купания приветствуется. Я заметил, что люди всегда устраивают грандиозные мероприятия по купанию, когда собираются где-нибудь поближе к воде, но при этом там они почти не купаются. То же самое происходит, когда вы отправляетесь к морю. Когда я размышляю над этим вопросом в Лондоне, я всегда решаю, что буду вставать рано утром и идти купаться перед завтраком, и я неукоснительно собираю с собой трусы и банное полотенце. Я всегда покупаю красные плавки. Я предпочитаю носить красные плавки. Они так подходят к моему цвету лица. Но когда я добираюсь до моря, я почему-то не чувствую, что мне хочется искупаться ранним утром так сильно, как тогда, когда я томился в городе. Напротив, я всё больше и сильнее чувствую, что хочу оставаться в постели до последнего момента, а потом спуститься вниз и позавтракать. Пару раз добродетель одерживала верх, и я вставал в шесть, сам наполовину одевался, брал трусы и полотенце и уныло ковылял прочь. Но удовольствия я от этого не получил.

Кажется, когда я иду купаться ранним утром, ожидая меня, жестокие ангелы Природы специально поддерживают пронизывающий восточный ветер, и нарочно достают все самые острые, треугольные камни и кладут их на вершину, и они так заостряют эти камни, и так засыпают острия песком, чтобы я их не видел, и они отнесли море на целых две мили, так что мне приходится кутаться в собственные руки и я прыгаю, дрожа, ковыляя по глубине в шесть дюймов. А когда я все-таки добираюсь до моря, оно бывает бурным и ведёт себя довольно оскорбительно и нагло. Одна огромная волна подхватывает меня и швыряет в враскорячку изо всех сил, на камень, который специально для меня там поставили русалки. И, прежде чем я успеваю сказать «О! Фу!» — я обнаруживаю, что всё пропало, и вернувшаяся волна уже унесла меня на середину океана. Я начинаю отчаянно плыть к берегу и задаюсь вопросом, увижу ли я когда-нибудь снова дом и друзей, и жалею, что в детстве не был добрее к своей младшей сестре (я имею в виду, когда я был мальчиком). Как раз в тот момент, когда я теряю всякую надежду, волна отступает и оставляет меня распростёртым на песке, как студенистую морскую звезду, и я встаю, оглядываюсь назад и обнаруживаю, что всю свою жизнь плыл на глубине двух футов.

Я запрыгиваю обратно, одеваюсь и ползу домой, где мне приходится притворяться, что мне всё нравится.

Сейчас мы все говорили наперебой так, будто собирались каждое утро плавать в Темзе до одурения. Джордж сказал, что было бы так приятно проснуться свежим утром в лодке и сразу окунуться в прозрачную реку. Гаррис сказал, что ничто так не бодрит и не возбуждает аппетит, как купание перед завтраком. Он сказал, что это всегда возбуждало у него аппетит. Джордж добавил, что если Гаррис из-за этого будет есть больше, чем обычно, то ему следует вообще запретить принимать водные процедуры. Он сказал, что и так будет достаточно тяжёлой работы по буксировке достаточного количества продовольствия для Гарриса вверх по течению. Однако я убеждал Джорджа, что было бы гораздо приятнее, если бы Гаррис сидел на лодке чистый и свеженький, даже если бы нам пришлось взять на несколько центнеров больше провизии; и тогда он увидел это дело в моём свете и отказался от своих возражений против купания Гарриса. В конце концов договорились, что нам следует взять три банных полотенца, чтобы не заставлять друг друга ждать. Что касается одежды, Джордж сказал, что двух фланелевых костюмов будет достаточно, так как мы сможем постирать их сами, в реке, когда они испачкаются. Мы спросили его, пробовал ли он когда-нибудь стирать фланелевое бельё в реке, и он ответил:

— Нет, не совсем так, сам я никогда не стирал, но я знал нескольких парней, которые стирали, и это было по их словам довольно просто!

Мы с Гаррисом были достаточно наивны, чтобы вообразить, что он знает, о чём говорит, и что трое уважаемых молодых людей, не имеющих ни положения в обществе, ни влияния, ни опыта в стирке, действительно могут постирать свои рубашки и брюки в Темзе с помощью небольшого куса мыла. В последующие дни, когда было уже слишком поздно, мы узнали, что Джордж был всего лишь жалким самозванцем, который, очевидно, мог ничего не знать об этом деле. Если бы вы увидели нашу одежду после... Но, как говорят в жёлтой прессе, нстоит забегать вперёд. Джордж убедил нас взять с собой сменное нижнее бельё и побольше носков на случай, если мы опрокинемся и захотим переодеться; а также побольше носовых платков, чтобы вытирать вещи, и пару кожаных ботинок, а также лодочные туфли, которые нам понадобятся, если мы потерпим крушение.

Глава IV

Продовольственный вопрос. — Возражения против парафинового масла в качестве атмосферы. — Преимущества сыра в качестве спутника в путешествии. — Замужняя женщина покидает свой дом. — Еще один повод расстроиться. — Я собираю вещи. — Испорченные зубные щетки. — Джордж и Гаррис собирают вещи. — Ужасное поведение Монморэнси. — Мы отправляемся отдыхать. Затем мы принялись обсудать продовольственный вопрос. Джордж сказал:

— Начнём с завтрака. (Джордж такой практичный.) А теперь на завтрак нам понадобится сковородка, — (Гаррис сказал, что это неперевариваемое блюдо, но мы просто попросили его не быть ослом, и Джордж продолжил), — чайник и заварочный чайничек, а также плита с метиловым спиртом.

— Никакого керосина! — сказал Джордж с многозначительным видом, и мы с Гаррисом согласились. Однажды мы пользовались керосиновой плитой, но «больше никогда». В ту пору целую неделю мне казалось, что я поселился в керосинной лавке. Отовсюду сочился этот проклятый керосин. Я никогда не видел, чтобы что-то могло так просачиваться, как керосин. Мы держали его на носу лодки, и оттуда он стекал на руль, пропитывая всю лодку и всё, что попадалось ему по пути, и растекался по реке, пропитывая пейзаж, оставляя радужные круги на воде и портя атмосферу. Иногда дул западный керосиновый ветер, иногда — восточный керовиновый бриз, а иногда — северный норд, а чаще всего южный керосиновый самум; но независимо от того, родился ли ветер в арктических снегах или был взрошен в знойных песках пустыни, он приходил к нам с одинаковым блевотинным ароматом керосина. Керосин растекался и красил закат радужными пятнами, а что касается лунных лучей, то и от них определённо разило керосином.

Мы попытались скрыться от него в Марлоу. Мы оставили лодку у моста и прогулялись по городу, чтобы отдохнуть от него, но он и там преследовал нас. Весь город был залит нефтью. Мы прошли через церковный погост, и нам показалось, что бывшие люди тоже были похоронены в еросине. Главная улица насквозь пропахла керосином; мы удивлялись, как люди могут жить здесь. И мы прошагали много миль по Бирмингемской дороге, но и это было бесполезно, страна была пропитана керосиновой вонью. В конце той поездки мы встретились в полночь в безлюдном поле, под поваленным дубом, и дали ужасную клятву (мы целую неделю ругались по этому поводу в обычной для среднего класса манере, хотя это было шикарное мероприятие) — дали ужасную клятву никогда не связываться с демоническим керосином и никогда не брать собой в плавание ни капли керосина — за исключением, конечно, случаев болезни. Поэтому в данном случае мы решили ограничиться метиловым спиртом. Но даже это уже само по себе было скверно. В итоге вы всё равно получаете метилированный пирог и такое же печенье. Но метиловый спирт более полезен, если принимать его в больших количествах, чем керосин.

В качестве других блюд на завтрак Джордж предложил яйца с беконом, которые было легко приготовить, холодное мясо, чай, хлеб с маслом и джем. На обед, сказал он, у нас могут быть печенье, холодное мясо, хлеб с маслом и джем, но никакого сыра. Сыр, как и керосин, слишком много берёт на себя. Он хочет, чтобы вся лодка была в его распоряжении. Он проходит через корзину и придает сырный дух всему остальному, что там находится. Вы не можете сказать, едите ли вы яблочный пирог, или немецкую колбасу, или клубнику со сливками. Всё кажется сыром. У сыра слишком сильный запах.

Я помню, как один мой друг купил пару сыров в Ливерпуле. Это были великолепные сыры, спелые и сочные, от них исходил аромат в двести лошадиных сил, которого хватило бы, чтобы разноситься на три мили и сбить человека с ног на расстоянии двухсот ярдов. В то время я был в Ливерпуле, и мой друг сказал, что, если я не возражаю, он с удовольствием позволит

мне взять их с собой в Лондон, так как сам он приедет только через день или два, а он не считает, что сыры можно долго хранить.

«О, с удовольствием, дорогой мальчик, — ответил я, — с удовольствием».

Я заехал за сырами и увёз их в кэбе. Это было ветхое сооружение, которое тащила за собой хромоногая сомнамбула с перебитым хребтом и дыханием, которую её владелец в порыве энтузиазма и гордыни во время разговора обозвал рысаком. Я положил сыр наверх кэба, и мы двинулись в путь с такой скоростью, которая сделала бы честь самому быстрому из когда-либо построенных паровых катков, и всё вокруг было весёлым, как похоронный звон, пока мы не завернули за угол. Там ветер донёс запах сыров до ноздрей нашего скакуна. Это разбудило его эгрегор, и, испуганно фыркнув, он помчался со скоростью три мили в час. Ветер по-прежнему дул в его сторону, и не успели мы дойти до конца улицы, как он уже мчался со скоростью почти четыре мили в час, оставляя распластанных калек и тучных старушек на шаг позади.

Чтобы остановить его на станции, понадобились два носильщика и кучер, и я не уверен, что у них получилось бы это даже тогда, если бы у одного из мужчин не хватило присутствия духа прикрыть ему нос платком и поджечь кусочек обёрточной бумаги. Когда я взял билет и гордо прошествовал по платформе со своими сырами, люди почтительно расступались в обе стороны.

Поезд был переполнен, и мне пришлось сесть в вагон, где уже находились семь человек. Один сварливый пожилой джентльмен возражал, но я, несмотря на это, вошёл; и, положив сыр на полку, протиснулся внутрь и с приятной улыбкой сказал, что сегодня тёплый день. Прошло несколько мгновений, и затем старый джентльмен начал ёрзать.

— Здесь очень душно! — сказал он.

— Нечем дышать! — подхватил мужчина рядом с ним. А потом они оба начали принюхиваться, как крысы, и при третьем вдохе, попав в центр струи, встали, и не сказав больше ни слова, вышли. И тогда поднялась полная дама и сказала, что это позор, что с респектабельной замужней женщиной так обращаются, и собрав сумку и восемь свертков, выскочила из вагона. Оставшиеся четверо пассажиров некоторое время сидели молча, тупо уставившись друг на друга, пока мужчина серьёзного вида, спрятавшийся в самом углу, который, судя по его прикиду и общему мрачному виду, принадлежал к классу гробовщиков, не сказал, что это напомнило ему о мёртвом ребенке, о котором родители вспомнили на третьи сутки, а остальные три пассажира одновременно попытались выбраться и поранились в дверях. Я улыбнулся чернокожему джентльмену и сказал, что, по-моему, экипаж остался в нашем полном распоряжении, на что он приятно рассмеялся и сказал, что некоторые люди поднимают шум из-за пустяков. Но даже он впал в странную депрессию после того, как мы тронулись в путь, и поэтому, когда мы добрались до Кру, я пригласил его зайти в буфет и выпить. Он согласился, и мы протиснулись в буфет, где четверть часа кричали, топали ногами и махали зонтиками; а потом подошла молодая леди и спросила, не хотим ли мы чего-нибудь. — Чего ты хочешь? — спросил я, поворачиваясь к своему другу.»

— Мне, пожалуйста, неразбавленного бренди на полкроны, мисс! — ответил он. И, выпив, он спокойно вытер рот и ушёл и пересел в другой вагон, что показалось мне крайней подлостью и предательством.

В Крю у меня уже было отдельное купе, хотя поезд был переполнен. Когда мы останавливались на разных станциях, люди, видя мой пустой вагон, устремлялись к нему.

— Давай, Мария, проходи, здесь много места!

— Хорошо, Том, сюда, так сюда! — кричали они. И они бежали вперёд, преступно выгибая шеи, влача тяжелые сумари, и дрались у двери, чтобы войти первыми.

И как только первый из них, разведчик и пионер открывал дверь, поднимался по ступенькам то сразу же, пошатываясь, падал обратно в объятия мужчины, стоявшего позади него;

а потом все они все подходили и нюхали, а потом разбегались и втискивались в другие вагоны или платили разницу и уезжали первыми.

Из Юстона я повёз сыры домой к своему другу. Когда его жена вошла в комнату, она на мгновение втянула тонкими ноздрями воздух и обнюхала все вокруг.

Затем она спросила:

— Что это? Ничего не утаивай от меня! Я готова к самому худшему!

Я сказал:

— Это сыры. Том купил их в Ливерпуле и попросил меня привезти их с собой. И я добавил, что надеюсь, она понимает, что это не имеет ко мне никакого отношения; и она сказала, что уверена в этом, но что она всё равно поговорит об этом с Томом, когда он вернётся. Мой друг задержался в Ливерпуле дольше, чем ожидал, и три дня спустя, когда он не вернулся домой, его жена навестила меня. Она спросила:

— Что Том сказал об этих сырах?

Я ответил, что он распорядился, чтобы они хранились во влажном месте и чтобы никто к ним не прикасался.

Она сказала:

— Скорее всего, никто к ним не прикасался. Он их нюхал?

Я подумал, что да, и добавил, что он, по-видимому, очень к ним привязан.

— Ты думаешь, он расстроился бы, — спросила она, — если бы я дала мужчине совершить, чтобы он забрал их и похоронил на глубину не менее шестидесяти футов в землю?

Я ответила, что, по-моему, после этого он больше никогда не улыбнется. Её осенила идея. Она сказала:

— Вы не могли бы хранить их для него у себя? Давайте я пришлю их вам!»

— Мадам, — ответил я, — лично мне нравится запах сыра, и о недавнем путешествии с ними из Ливерпуля я всегда буду вспоминать как о счастливом завершении приятного отпуска. Но в этом мире мы тем не менее иногда должны думать и о других. Дама, под чьим кровом я имею честь проживать, вдова и, насколько я знаю, возможно, ещё и сирота. У неё есть серьёзные, я бы сказал, красноречивые возражения против того, чтобы её, как она выражается, «обхаживали». Я инстинктивно чувствую, что присутствие сыров вашего мужа в её доме она расценила бы как «издевательство»; и никто никогда не скажет, что я обижаю вдову и сироту».

— Очень хорошо, — сказала жена моего друга, вставая, — Всё, что я могу сказать, это то, что я заберу детей и отправлюсь в гостиницу, пока здесь не съедят эти сыры. Я отказываюсь больше жить с ними в одном доме!

Она сдержала своё слово и поручила уборщице, которая, когда её спросили, переносит ли она этот запах, ответила: «Какой запах?», а когда её подвели поближе к сырам и попросили принюхаться, она сказала, что чувствует слабый аромат дынь. Исходя из этого, было высказано предположение, что воздействие концентрированной сырной атмосферы не могло причинить женщине большого вреда, и она была оставлена в этом мире. Счет в гостинице составил пятнадцать гиней, и мой друг, подсчитав всё, обнаружил, что сыр обошёлся ему в восемь шиллингов шесть пенсов за фунт. Он сказал, что очень хотел бы съесть кусочек сыра, но ему это было не по средствам, поэтому он решил избавиться от него. Он выбросил сыр в канал, но ему пришлось выуживать его снова, так как лодочники пожаловались полиции. Они сказали, что после этого им стало дурно и некоторые рослые и крепкие гребцы попадали в обморок. И после этого он забрал их темной ночью и оставил в городском морге. Но коронер обнаружил их и поднял страшный шум. Он сказал, что это был заговор с целью лишить его средств к существованию путем оживления трупов. В конце концов, мой друг избавился от них, отвез их в город на берегу моря и закопал на пляже. Это принесло этому месту широкую известность. Посетители говорили, что раньше они никогда не замечали, какой здесь крепкий морской воздух, а слабогрудые и чахоточные люди потом годами толпились там, уверенные в скором излечении.

Как бы я ни любил сыр, я считаю, что Джордж был прав, отказываясь его есть.

— Чаю мы не захотим, — сказал Джордж (при этих словах лицо Гарриса вытянулось), — но в семь часов у нас будет хороший, сытный, обильный обед — обед, чай и ужин вместе взятые.

Гаррис повеселел. Джордж предложил мясные и фруктовые пироги, холодное мясо, помидоры, фрукты и зелень. В качестве питья мы взяли на заметку какую-то замечательное липкое пойло от Гарриса, которое вы должны были смешать с водой и принести присягу отныне называть это «лимонадом», а нужно побольше чая и не забыть взять бутылку виски, на случай, если, как сказал Джордж, мы перевернёмся. Мне показалось, что Джордж слишком много говорил о том, что нам поневоле предстоит катастрофа и мы обязательно перевернёмся. Мне казалось, что это не слишком подходящий настрой для поездки. Но я был рад, что мы взяли виски. Мы не брали ни пива, ни вина. В верховьях реки они — ошибка. Они заставляют вас чувствовать себя сонными и тяжёлыми на подъём. Стаканчик хереса вечером, когда вы прогуливаетесь по городу и глазете на девушек, — это вполне нормально; но не пейте, когда Солнце палит вам в затылок, а вам предстоит тяжёлая работа. Ещё хуже, если это ненавистная подёшница на неизвестного хозяина. Прежде чем расстаться в тот вечер, мы составили список вещей, которые нужно было взять с собой, и он оказался довольно длинным, я думаю, не короче стандартного свитка «Торы», который как вы знаете составляет длину не менее пятьдесят футов. Впрочем, как мне известно, наблюдались и расширенные варианты, гораздо более длинные.

На следующий день, а это была пятница, мы собрали их всех вместе и встретились вечером, чтобы собрать вещи. У нас есть большой гладстон для одежды и пара корзин для продуктов и кухонной утвари. Мы придвинули стол к окну, свалили все в кучу посреди пола, сели кругом и стали на это смотреть. Я сказал, что соберусь с духом и соберу вещи. Я, пожалуй, горжусь тем, что умею собирать вещи. Упаковка — это одна из тех вещей, о которых, как мне кажется, я знаю больше, чем любой другой человек на свете. (Меня самого иногда удивляет, как много в мире этих предметов). Я довёл этот факт до сведения Джорджа и Гарриса и сказал им, что им лучше предоставить все дело исключительно мне. Они согласились на это предложение с готовностью, в которой было что-то сверхъестественное.

Джордж набил трубку и развалился в кресле, а Гаррис закинул ноги на стол и закурил сигару. Это было совсем не то, о чём я втайне мечтал. Я, конечно, имел в виду, что должен руководить работой, а Гаррис и Джордж должны работать под моим руководством, но я время от времени отталкивал их в сторону словами:

«О, вы!.. Вот, позвольте мне это сделать самому!»

Вот, пожалуйста, тут всё просто! Я стал задумываться о миссии педагога. То, как они это восприняли, вызвало у меня раздражение. Ничто так не раздражает меня, как то, что другие люди сидят и ничего не делают, когда я работаю, как божья пчёлка. Когда-то я жил в одном посещении с мужчиной, который так выводил меня из себя. Он мог развалиться на диване и часами наблюдать, как я что-то делаю, провожая меня взглядом по комнате, куда бы я ни направился. Спасения от его всевидящего взора не было. Он говорил, что ему было очень приятно наблюдать за тем, как я возился без дела. Он сказал, что это заставило его почувствовать, что жизнь — это не праздный сон, на который можно только глазеть, а благородная миссия, полная долга и суровой работы. Он сказал, что теперь часто удивляется, как он мог жить до того, как встретил меня, когда ему не на кого было смотреть во время пахоты. Так вот, я не такой. Я не могу сидеть сложа руки и смотреть, как другой человек вкалывает за милую душу. Я хочу встать и руководить, ходить вокруг, засунув руки в карманы, и говорить ему, что делать. Такова моя энергичная натура. Я ничего не могу с собой поделать. Однако я ничего не сказал, а начал собирать вещи. Работа оказалась более длительной, чем я предполагал; но в конце концов я закончил с сумкой, сел на неё и пристегнул ремнями.

— Ты не собираешься брать башмаки? — спросил Гаррис. Я огляделся и обнаружил, что забыл их. Это так похоже на Гарриса. Он, конечно, не мог вымолвить ни слова, пока я не застегнул сумку и не пристегнул ремни.

И Джордж рассмеялся — одним из тех своих раздражающих, бессмысленных смешков с отвисшей челюстью. Они действительно выводят меня из себя. Я открыл сумку и положил в нее башмаки; и только я собрался закрыть её, как мне в голову пришла ужасная мысль. Взял ли я с собой зубную щетку? Не знаю, как это бывает, но я никогда не знаю, взял ли я с собой зубную щетку. Моя зубная щетка — это вещь, которая преследует меня, когда я путешествую, и превращает мою жизнь в сплошное страдание а мои сны — в сплошные ночные кошмары. Мне снится, что я не взяла зубную щётку с собой и я просыпаюсь в холодном поту, встаю с постели и ищу её дрожащими руками. А утром я упаковываю её, не успев ей воспользоваться, и мне приходится распаковывать чемодан снова, чтобы достать, и это всегда последнее, что я достаю из нед багажа; а потом я снова упаковываю всё это и забываю обо всём, и в последний момент мне приходится бежать за багажом наверх и нести щётку с собой на железнодорожную станцию, завернутую в мятый носовой платок.

Конечно, мне пришлось перевернуть все, что было у смертных, и, конечно же, я не смог ничего найти. Я привёл вещи в примерно такое же состояние, в каком они, должно быть, были до сотворения мира, когда царил вселенский хаос. Конечно, я восемнадцать раз находил вещи Джорджа и Гарриса, но свои так и не смог найти. Я клал вещи на место одну за другой, поднимал их и встряхивал. Потом я нашёл их в ботинке. Я ещё раз всё упаковал. Когда я закончил, Джордж спросил, на месте ли мыло. Я сказал, что мне совершенно всё равно, было там мыло или нет; я захлопнул сумку и завязал её ремнём, но обнаружил, что не положил в кейс кисет с табаком, и мне пришлось снова его распаковывать. В конце концов, в 10.05 багаж закрыли, и оставалось еще кое-что сделать с корзинами.

Гаррис сказал, что мы должны стартовать меньше чем через двенадцать часов, и подумал, что им с Джорджем лучше сделать всё остальное; я согласился и сел за стол, а они принялись за дело. Они начали в беззаботном духе, очевидно, намереваясь показать мне, как надо. Я ничего не сказал, я только ждал, когда Джорджа повесят, Гаррис будет всемирно признан худшим упаковщиком в мире; и я смотрел на груды тарелок, чашек, чайников, бутылок и банок, пирогов, плит, пирожных, помидоров и т. д. и чувствовал, что это дело скоро станет захватывающим детективным романом. Так оно и было.

Они начали с того, что разбили чашку. Это было первое, что они сделали. Они сделали это просто для того, чтобы показать мне, на что они способны, и заинтересовать меня. Затем Гаррис положил клубничный джем на помидоры и раздавил самый крупный из них, и им пришлось выковыривать помидор чайной ложкой. А потом настала очередь Джорджа, и он наступил на масло. Я ничего не сказал, но подошёл, присел на край стола и стал наблюдать за ними. Это разозлило их больше, чем все, что я мог бы сказать. Я чувствовал это. Это заставляло их нервничать и волноваться, и они наступали на предметы, и прятали их за своими спинами, а потом не могли найти, когда они были нужны; и они укладывали пироги на дно, а сверху клали что-то тяжелое и давили из пирогов повидло и творог. Они посыпали солью всё подряд, а что касается сливочного масла, тут нет слов! За всю свою жизнь я ни разу не видел, чтобы два человека так ловко управлялись с маслом стоимостью в один шиллинг и два пенса, как это сделали они. После того как Джордж снял масло со своего тапка, они попытались запихнуть его в чайник. Масло не влезало, а то, что было внутри, не выходило. В конце концов они всё-таки выковыряли его и положили на стул, и Гаррис мгновенно, как будто по наитию, сел на него, и оно прилипло к нему, и они принялись искать его по всей комнате.

— Готов поклясться, что я положил его на этот стул, — сказал Джордж, глядя на пустое сиденье. — Я сам видел, как ты это делал, минуту назад! — сказал Гаррис. Затем они снова

начали обходить комнату в поисках этой вещи, а затем снова встретились в центре и уставились друг на друга.»

— Это самая удивительная вещь, о которой я когда-либо слышал! — сказал Джордж.

— Такая загадочная! — сказал Гаррис. Тогда Джордж обошел Гарриса сзади и увидел всю красоту.

— Да ведь оно все время было здесь! — возмущенно воскликнул он.

— Где? — закричал Гаррис, резко оборачиваясь.

— Стой смирно! Не юли, как мышь! — взревел Джордж, бросаясь за ним.

Они сняли масло с брюк и запихнули в заварочный чайник. Монморэнси, конечно, была во всем этом не последним участником. Цель Монморэнси в жизни — стоять у всех на пути и стоически выслушивать ругательства. Если он может проскользнуть туда, где его особенно не хотят видеть, и стать совершенной обузой и эпицентром хаоса, выводя людей из себя, то он может позволить уворачиваться от всего, что при этом летит ему в голову, и при этом чувствует, что день его жизни прошёл не зря. Заставить кого-нибудь споткнуться о него и слушать в течение часа непрерывные проклятия и чертыхания — вот его высшая цель; и когда ему это удастся, его самомнение становится совершенно невыносимым. Он приходит и усаживается на вещи как раз в тот момент, когда их хотят упаковать; и он трудится в твердой уверенности, что всякий раз, когда Гаррис или Джордж протягивают за чем-нибудь руку, им нужен его холодный, влажный нос. О

Вот он сунул ногу в варенье, перепутал чайные ложки, притворился, что лимоны — это крысы, залез в корзину и прикончил трех из них, прежде чем Гаррис успел огреть его сковородой. Гаррис сказал, что это я поощрял его козни. Я не поощрял его. Такая собака не нуждается ни в каком поощрении. Именно естественный, первородный грех, который рождается в нем, заставляет его совершать подобные геройские поступки.

В двенадцать пятьдесят упаковка была завершена, и Гаррис удовлетворённо уселся на корзину, выразив надежду, что внутри ничего не повреждено.

Джордж сказал, что чему быть — того не миновать, и если что-то разбилось, то это удел божий. Судя по его виду, эта утешительная сентенция успокоила его и он выразил надежду, что после таких трудов ему удастся хорошо поспать. Гаррис собирался заночевать в нас и все мы пошли по лестнице наверх.

Мы вытянули жребий, кому где спать, и Гаррису выпало ложиться рядом со мной.

— Как тебе больше нравится — спать внутри или с краю?

Я выразил предпочтение спать на постели.

Гаррис хмыкнул, что это давно устаревший буржуазный пережиток..

Джордж сказал:

— Парни! Утром вас во сколько будить?

Гаррис сказал:

— В семь.

Я запротестовал:

— Нет! В шесть! Я должен был успеть написать несолько писем.

По этому поводу у меня с Гаррисоном началась схватка, мы повздорили, но только для того, чтобы сойтись на нейтральной территории — и решили, что подъём у нас в пол-седьмого.

— Джордж! Разбуди нас в половине седьмого!

Мы прислушались, но ответа не было, и подкравшись к нему, мы убедились, что он мирно спит. Тогда мы придвинули вплотную кровати ванну, чтобы утром, когда он вскочит, он сразу свалился в неё и тоше пошли спать.

Глава V

Миссис П. будит нас. — Джордж, бездельник. — Афера с «прогнозом погоды». — Наш багаж. — Развращенность маленького мальчика. — Вокруг нас собираются люди. — Мы уезжаем с большим шиком и прибываем на вокзал Ватерлоо. — Наивность чиновников Юго-Запада в отношении таких мирских вещей, как поездка. — Мы плывем, плывем в открытой лодке.

На следующее утро меня разбудила миссис Поппетс.

Она сказала:

— Вы знаете, что уже почти девять часов, сэр?

Девять часов чего? — воскликнул я, вскакивая.

— Девять часов, — ответила она в замочную скважину, — Я думала, чтобы вам не проспать». Я разбудил Гарриса и поставил его известность.

Он сказал:

— Я думал, ты хочешь встать в шесть? «Я так и думал, — ответил я, — Почему ж ты меня не разбудил?

«Как я мог разбудить тебя, если ты меня не разбудил? — парировал он, — Теперь мы не попадем на воду раньше двенадцати. Удивляюсь, что ты вообще берёшь на себя труд вставать.

— Гм, — ответил я, — на твоё счастье, я это делаю. Если бы я тебя не разбудил, ты бы пролежал там целых две недели.

Мы рычали друг на друга в таком тоне в течение следующих нескольких минут, когда нас прервал вызывающий храп Джорджа. Впервые с тех пор, как нас позвали, это напомнило нам о его существовании. Там лежал он — человек, который хотел знать, в котором часу ему следует нас разбудить, — на спине, с широко открытым ртом и подтянутыми коленями. Я уверена, что не знаю, почему так должно быть, но вид другого мужчины, спящего в постели, когда я не сплю, сводит меня с ума. Мне кажется таким шокирующим видеть, как драгоценные часы жизни человека — бесценные мгновения, которые никогда больше к нему не вернуться, — тратятся впустую на простой жестокий сон. Вот Джордж, в отвратительной лени растрачивающий бесценный дар времени; его драгоценная жизнь, за каждую секунду которой ему придётся отчитываться в будущем, уходит от него, неиспользованная и похеренная. Он мог бы сейчас уплетать яичницу с беконом, дразнить собаку или флиртовать с прислугой, вместо того чтобы валяться здесь, погрузившись в душераздирающее забытие. Это была ужасная мысль. Казалось, мы с Гаррисом были поражены ею одновременно.

— Что случилось? — завопил он, садясь.

— Вставай, дубина ты стоеросовая! — взревел Гаррис, — Уже без четверти десять!

— Что? — завопил Джордж, вскакивая с кровати и бросаясь в ванну. — Кто, черт возьми, поставил сюда эту мерзость?

Мы сказали ему, что он, должно быть, набитый дурак, раз не заметил ванну. Мы закончили одеваться, и когда дело дошло до дополнительных принадлежностей, мы вспомнили, что взяли с собой зубные щётки и расческу (я знаю, что эта зубная щетка меня доконает), и нам пришлось спуститься вниз и выудить их из сумки. И когда мы это сделали, Джордж захотел бритвенный прибор. Мы сказали ему, что в то утро ему придется обойтись без бритвы, так как мы не собираемся снова распаковывать эту сумку ни для него, ни для кого-либо подобного ему.

Он сказал:

— Не говори глупостей. Как я могу пойти в Город в таком виде?

Конечно, это было довольно жестоко по отношению к Городу, но какое нам дело до человеческих страданий? Как сказал Гаррис в своей обычной, вульгарной манере, Городу придется смириться с этим. Мы спустились вниз позавтракать.

Монморэнси пригласил двух других собак проводить его, и они коротали время в дико драке на пороге. Мы успокоили их с помощью зонта и сели за отбивные и холодную говядину. Гаррис сказал:

— Самое замечательное — это приготовить хороший завтрак¹ — и начал с пары отбивных, сказав, что съест их, пока они горячие, так как говядина может подождать. Джордж взял газету и зачитал нам сообщение о гибели людей на лодках и прогноз погоды, в котором говорилось о «дожде, холоде, мокрой погоде» (Самый ужасный прогноз погоды), «случайных местных гроз, восточном ветре и обще понижение давления по всему миру», начиная с графства и до Мидленда (Лондон и Ла-Манш). Барометр падает» Я действительно думаю, что из всех глупых, раздражающих глупостей, от которых мы страдаем, это мошенничество с «прогнозом погоды», пожалуй, самое неприятное. Прогноз «предсказывает» именно то, что произошло вчера или позавчера, и прямо противоположно тому, что произойдёт сегодня. Я помню, как однажды поздней осенью мой отпуск был полностью испорчен из-за того, что мы обратили внимание на прогноз погоды в местной газете.

«Сегодня ожидаются сильные ливни с грозами», — говорилось в нем в понедельник, и мы отказывались от нашего пикника и оставались дома на весь день, ожидая дождя.

А люди проезжали мимо дома, разъезжаясь в повозках и дилижансах так весело, как только могли, светило Солнце, и не было видно ни облачка.

«Ах! — воскликнули мы, стоя и глядя на них в окно, — Как бы они не вернулись домой промокшими до нитки!»

И мы усмехнулись, представив, как они промокнут, и вернулись, и разворошили огонь, и взяли наши книги, и разложили наши образцы морских водорослей и ракушек. К двенадцати часам, когда в комнату хлынули солнечные лучи, жара стала совсем невыносимой, и мы задались вопросом, когда же начнутся эти хваленые проливные дожди и редкие грозы.

«Ах! Они придут днем, вот увидите!» — сказали мы друг другу.

«О, как бы эти люди не промокли. Какая радость!»

В час дня приходила хозяйка и спрашивала, не собираемся ли мы куда-нибудь пойти, ведь день такой чудесный.

«Нет, нет», — отвечали мы с понимающим смешком, — Только не мы. Мы не хотим промокнуть — нет, нет».

И когда день уже близился к вечеру, а дождя по-прежнему не было видно, мы попытались подбодрить себя мыслью, что он начнется внезапно, как раз в тот момент, когда люди отправятся по домам и окажутся вне досягаемости какого-либо укрытия, и что они, таким образом, получат все необходимое, промокнув ещё больше, чем когда-либо. Но ни одна капля так и не упала, и это разочарование завершило великолепный день, а за ним и прекрасную ночь.

На следующее утро мы прочитали, что день обещает быть «тёплым, ясным до захода Солнца, очень жарким», и мы оделись в лёгкие вещи и вышли на улицу, а через полчаса после того, как мы вышли, начался ужасный ливень, и поднялся пронизывающий, холодный ветер, и то и другое не прекращалось в течение всего дня, и мы возвращались домой с простудой и ревматизмом во всем теле и с тем легли спать.

Погода — это вещь, которая мне совершенно непонятна. Я никогда не смогу её понять. Барометр бесполезен: он так же обманчив, как и газетный прогноз.

Один из них висел в отеле в Оксфорде, где я останавливался прошлой весной, и, когда я туда приехал, на нём было начертано «Ясно». А меж тем на улице просто лил дождь, и лил он весь день без перерыва, и я не мог толком ничего разобрать. Я постучал по барометру, и он подскочил и показал «великую вушь». Сапожник остановился, когда проходил мимо, и сказал, что, по его мнению, это произойдёт завтра. Я предположил, что, возможно, он думал о позапрошлой неделе, но Бутс сказал, что нет, он так не думает. На следующее утро я снова постучал по барометру, и он поднялся ещё выше, а дождь лил сильнее, чем когда-либо. В среду

я пошёл и треснул по нему снова, и стрелка поползла по кругу к отметкам «Ясно», «Очень Сухо» и «Очень Жарко», пока не упёрлась в колышек и не смогла двигаться дальше.

Она старалась изо всех сил, но прибор был сконструирован таким образом, что не мог предсказывать хорошую погоду сильнее, чем обычно, не сломавшись сам. Он, очевидно, хотел продолжать и предсказывать засуху, нехватку воды, солнечный удар, самумы и тому подобные вещи, но привязка помешала этому, и ему пришлось довольствоваться простым указанием на банальное «очень сухо». Тем временем дождь лил как из ведра, и нижняя часть города оказалась под водой из-за разлившейся реки. Бутс сказал, что было очевидно, что когда-нибудь у нас будет продолжительная прекрасная погода, и зачитал стихотворение, напечатанное на обложке «Оракула», о том, что

«Давно предсказанное долго длится»;

Едва упомянешь — и скоро прекратиться».

В то лето хорошей погоды так и не наступило. Я предполагаю, что эта машина, должно быть, имела в виду следующую весну. Кроме того, появились барометры нового дизайна, длинные прямые. Я никогда не мог в них разобраться. Вчера в 10 утра в нём должна открываться открыта одна сторона, а сегодня — другая, но, знаете ли, не всегда можно поспеть туда раньше десяти. Он поднимается или опускается при дожде и в хорошую погоду, при сильном или слабом ветре, и на одном конце написано «Сев», а на другом «Вос» (при чем здесь Сев?), и если вы постучите по нему, он вам ни о чём не скажет. И вы должны скорректировать его с учетом уровня моря и перевести в градусы Фаренгейта, но даже тогда я не узнаю правильного ответа. Но кто хочет, чтобы ему предсказывали погоду? Она и так бывает плохой, когда она наступает, и без того, чтобы мы страдали от того, что знаем об этом заранее. Пророк, который нам нравится, — это старик, который в одно особенно пасмурное утро, когда нам особенно хочется, чтобы погода была ясной, окидывает горизонт особенно пронизательным взглядом и говорит:

— О нет, сэр, я думаю, все будет в порядке. Всё образуется само собой, сэр!

— А, он знает! — говорим мы, желая ему доброго утра, и отправляемся в путь, — Удивительно, как эти старики умеют угадывать будущее!

И мы чувствуем привязанность к этому человеку, которая нисколько не уменьшается из-за того, что погода не прояснилась ни на йоту, а дождь продолжает лить весь день.

«Что ж, — думаем мы, — он сделал всё, что мог! Он так старался!».

Что касается человека, который предсказывает нам плохую погоду, то, напротив, по отношению к нему мы питаем только горькие и мстительные мысли.

— Скоро прояснится, как вы думаете? — весело кричим мы, проходя мимо.

— Ну, нет, сэр, боюсь, на сегодня дождь будет лить всю ночь!» — отвечает он, качая головой.

— Старый, упрямый глупец! — бормочем мы, — Что он об этом может знать!

А если его предсказание всё же оправдывается, мы возвращаемся, чувствуя еще большую злость на него и смутно подозревая, что, так или иначе, он имеет к этому какое-то отношение.

В это особенное утро было слишком светло и солнечно для леденящих кровь чтений Джорджа о «Барометр. падает», идёт «атмосферное возмущение, проходящее по наклонной линии над Южной Европой» и «давление растёт», чтобы очень расстроить нас: и вот, поняв, что он не может сделать нас несчастными и только зря тратит время, он стащил папиросу, которую я заботливо скрутил для себя, и ушёл. Затем мы с Гаррисом, покончив с тем немногим, что оставалось на столе, вынесли наш багаж на крыльцо и стали ждать такси.

Когда мы собрали всё это вместе, нам показалось, что у нас слишком много багажа. Там были «Гладстон» — большущий чемоданище и маленькая дорожная сумка, и две корзины, и большой сверток с пледами, и четыре или пять пальто, и макинтоши, и несколько зонтиков, а еще там была дыня в отдельной сумке, потому что она была слишком громоздкой, чтобы её можно было куда-то засунуть, и пара фунтов винограда в другом пакете, японский бумажный

зонтик же и сковорода, которая была слишком длинной, чтобы её можно было упаковать, и мы обернули её коричневой бумагой и транспортировали отдельно. Зрелище было впечатляющее, и нам с Гаррисом стало немного стыдно за это, хотя я не понимаю, почему нам должно было быть стыдно. Такси не проезжало, но пробегали уличные мальчишки, которые, очевидно, заинтересовались представлением и остановились, чая великой забавы.

Мальчик Биггса пришёл в себя первым. Биггс — наш зеленщик, и его главный талант заключается в том, что он нанимает самых заброшенных и беспринципных мальчиков на побегушках, которых еще не породила цивилизация. Если в нашем районе появляется что-то более, чем обычно, злодейское в отношении мальчиков, мы знаем, что это последняя заводная новинка Биггса.

Мне сказали, что после убийства на Грейт-Корам-стрит все на нашей улице сразу же пришли к выводу, что за всем этим стоит сын Биггса (на тот период), и если бы он не смог, в ответ на суровый перекрестный допрос, которому его подвергли, никто бы не смог доказать обществу, что это сделал не он. 19 декабря, когда он зашёл туда за заказами, на следующее утро после преступления (заказчик №19 содействии №21, который в это время случайно оказался на ступеньках с пристратием допросили его), и если б дело обстояло не так, ему было бы нелегко доказать полное алиби.

В то время я не был знаком с парнем Биггса, но, судя по тому, что я узнал о нём с тех пор, я уже даже под пытками не придумал бы большого значения этому алиби.

Как я уже говорил, из-за угла появился слуга Биггса. Он, очевидно, очень спешил, и когда его впервые осенило видение, он, увидев Гарриса, меня, Монморэнси и все остальное, остановился, как вкопанный и расширенными глазами уставился на нас.

Мы с Гаррисом хмуро смотрели на него. Это могло бы ранить более чувствительную натуру, но ребята из гоп-кампании «Биггса», как правило, не обидчивы.

Он остановился как вкопанный в ярде от нашего крыльца и, облокотившись на перила и выбирая соломинку, чтобы пожевать, уставился на нас. Он, очевидно, намеревался довести дело до конца. В следующий момент мальчик из бакалейной лавки перешёл на противоположную сторону улицы.

Мальчик из лавки Биггса окликнул его:

«Привет! На первом этаже 42-го дома идёт ремонт».

Мальчик из бакалейной лавки перешёл дорогу и занял позицию по другую сторону крыльца. Затем молодой джентльмен из обувной лавки остановился и присоединился к мальчику из лавки Биггса, в то время как продавец пустых банок из «Синих столбов» занял независимую позицию на тротуаре.

— Они ведь не помрут с голодухи, правда? — спросил джентльмен из обувной лавки.

— Ах! Полноте! Если бы вы собирались пересечь Атлантику на маленьком ялике, — парировали «Синие Столбы», — вы бы тоже наверняка захотели взять с собой пару запонок!

— Они не собираются пересекать Атлантику, — вставил мальчик Биггса, — они собираются пойти по стопам Стэнли! (Стэнли, 1841—1904 — знаменитый исследователь Африки).

К этому времени собралась довольно приличная по размеру толпа, и люди спрашивали друг друга, в чём дело. Одна сторона (молодая и легкомысленная часть толпы) утверждала, что это была гренландская свадьба, и указала на Гарриса как на жениха; в то время как пожилые и более вдумчивые люди склонялись к мысли, что это были похороны и что я, судя по моему перекошенному рту, вероятно, был родным братом покойника.

Наконец, подвернулось свободное такси (на этой улице, как правило, проезжают по три пустых такси в минуту, впрочем, только тогда, когда они никому не нужны), мы запикиваем в него себя и свои пожитки и вылетаем с парой друзей Монморэнси, которые, очевидно, поклялись никогда его не покидать, под одобрительные крики толпы, а сын Биггса брезгливо бросил нам вслед морковку на счастье.

Мы приехали на вокзал Ватерлоо в одиннадцать и спросили, откуда отправляется поезд в одиннадцать ноль пять. Конечно, никто не знал; никто в Ватерлоо никогда не знает, откуда отправляется поезд, или куда направляется поезд, когда он отправляется, или что-нибудь в этом роде. Носильщик, который забрал наши вещи, думал, что поезд отправится со второй платформы, в то время как до другого носильщика, с которым он обсуждал этот вопрос, дошли слухи, что он отправится с первой. Начальник станции, с другой стороны, был убежден, что поезд отправится с местной станции. Чтобы покончить с этим делом, мы поднялись наверх и спросили начальника дорожного управления, и он сказал нам, что только что встретил прохожего который сказал, что заметил поезд на платформе номер три.

Мы подошли к платформе номер три, но тамошние власти сказали, что, по их мнению, это скорее Саутгемптонский экспресс или Виндзорский Кольцевой. Но они были уверены, что это не Кингстонский поезд, хотя почему они были уверены, что это не так, они не могли объяснить.

Затем наш носильщик сказал, что, по его мнению, это, должно быть, на верхней платформе и сказал, что, по его мнению, он узнал этот поезд.

Итак, мы поднялись на платформу верхнего уровня, увидели машиниста и спросили его, не едет ли он в Кингстон. Он сказал, что, конечно, не может сказать наверняка, куда он едет, но, скорее всего, так оно и есть. В любом случае, если он и не отправлялся в 11.5 на Кингстон, то, по его словам, был уверен, что идёт в 9.32 на Вирджиния-Уотер, или 10-утренним экспрессом на остров Уайт, или куда-то в этом направлении, и мы все должны были узнать, когда доберемся туда. Мы сунули ему в руку полкроны и упростили его быть первым в Кингстоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.